

36
18790

Къ представлению дозволено. Петроградъ, 10 сентября 1914 г. № 11411.

ИГО ВОЙНЫ.

Сцены въ 5-ти картинахъ Ал. Старкъ.

Издание С. Ф. Разсохина

1914 г.

2 р.

Къ представлению дозволено безусловно.
„Правительственный Вѣстникъ“ №
1914 г.

Литографія Театральной библиотеки С. Ф. Разсохина
Москва, Тверская ул., Георгиевскій пер., д. 16.

18790

"И Г О В О Р Ы Н Ъ"

(Хроника навихъ дней).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ЛИДІЯ ВЛАДИМИРОВНА РЫКОВА - богатая помещица, 28 лѣтъ, вдова.

ВАСИЛІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗЕЛЕНИНЪ - ея другъ, 40 лѣтъ.

НИНА - ея воспитанница.

ПЕТРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ЭЛДАНСКІЙ - гусарь, 26 лѣтъ.

АННА ВАСИЛЬЕВНА РЫКОВА - мать Лидіи, 60 лѣтъ.

КОНСТАНТИНЪ ИВАНОВИЧЪ КУМЕЛЬСКІЙ - докторъ, 40 лѣтъ.

БЪЛЕВСКІЙ - профессоръ, 45 лѣтъ.

БЪЛЕВСКАЯ - его жена, 40 лѣтъ.

ДАМА ВЪ ЧЕРНОМЪ.

ГОСПОДИНЪ ВЪ ОЧКАХЪ.

СЕРАФИМА - прислуга Рыковыхъ.

СТРОГОУЪ АЛЕКСЕЕЪ.

ДОКТОРЪ.

НѢМЕЦКІЙ УВТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ.

СТАРИКЪ ЕВРЕЙ.

КУРСИСТКА.

МАЛЬЧИКЪ АЛЕША, 12 лѣтъ.

Студенты, рабочіе, участники манифестацій, нѣмецкіе солдаты, русскіе плѣнные: мужчины, женщины, дѣти. Запасные, казаки, крестьяне.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

"ЗАТИШЬЕ".

Усадьба въ Донской области близъ казачьей станицы. Большой запущенный садъ. Сбоку терраса, выходящая на рѣку, лента которой сверкаетъ вдали. Старуха РЫКОВА варитъ варенье. Около нея молодая прислуга СЕРАФИМА.

АННА ВАС. Снимай пѣнки, Серафима, снимай скорѣй, да смотри, чтобы мухъ не утопить въ вареньѣ! Нанѣвнее лѣто отъ нихъ прямо спасенья нѣтъ!

СЕРАФИМА. Чистое мученье, барыня! На листы-то съ клеємъ не садятся, словно понимаютъ, а такъ ничѣмъ ихъ не выведешь.

АННА ВАС. А ты за чистотой слѣди, на кухнѣ-то вмѣстѣ съ Аграфеной, вотъ и мухъ не будетъ. Мухи плодятся отъ сору, отъ объѣдковъ. Вотъ теперь за чистотой-то заставятъ смотрѣть. Константинъ Ивановичъ говоритъ, боятся холеры; по Волгѣ появилась, и сюда занесутъ.

СЕРАФИМА. Холера! Вотъ бѣда то, барыня... Попремъ мы всѣ тогда!

АННА ВАС. Ну, кому суждено. А Богъ дастъ и минуетъ (смотреть на небо). А солнце то ужъ высоко. Что-то нагихъ не видно и не слышно. Какъ они могутъ по такой жарѣ два часа ходить. А скоро ужъ и обѣдать пора.

СЕРАФИМА. Не накрывать ли на столъ, барыня? А то придутъ проголодавшись, такъ торопить будутъ.

АННА ВАС. Обѣдай - посмотри, который часъ. (Серафима бѣжитъ черезъ террасу въ комнату; возвращаясь, останавливается на ступенькахъ)

СЕРАФИМА. Никакъ половина четвертаго, барыня!

АННА ВАС. Ну, еще есть время. Минуть черезъ десять накрывай на столъ.

СЕРАФИМА. А Константинъ Ивановичъ у насъ будутъ обѣдать?

АННА ВАС. Какъ-же! Снѣ остался до вечера. Не хочеть ѣхать по такой жарѣ. (Слышатся голоса). Да вотъ, кажется, и наиди! (Появляется РЫКОВА, раскраснѣвшаяся, въ обломѣ платьѣ, за ней ЗЕЛЕНИНЪ, КУМЕЛЬСКІЙ и поодаль НИНА).

ЛИДИЯ ЕЛ. Схъ, устала! Не могу... Мои вѣрные рыцари - качалку, скорѣй качалку! (ЗЕЛЕНИНЪ и КУМЕЛЬСКІЙ кидаются на террасу и приносятъ кресло-качалку). А потомъ пить, мамочка, дайте мнѣ стотъ вашъ яблочный напитокъ и соломенку. Мамочка! Василій Александровичъ съ провальнымъ визитомъ. Завтра уѣзжаетъ въ Наугеймъ.

СЕРАФИМА. Сію минуту, Лидія Владиміровна! (Бѣжитъ въ комнату).

АННА ВАС. А я думала, что вы и объ обѣдѣ забыли. Скоро четвѣре часа, солнце садится, а ихъ все нѣтъ.

КУМ. (вытирая потъ). За меня, достойнѣйшая Анна Васильевна, въ этомъ отношеніи никогда не беспокойтесь. Обѣ обѣдѣ никогда не забуду, не было случая, чтобы я забылъ. Скорѣе на свиданье опоздаю, о хорошенькой женщицѣ забуду, а объ обѣдѣ ни-ни.

ЛИДИЯ ЕЛ. А слѣдовало бы вамъ иногда забывать, Константинъ Ивановичъ: вашъ видъ не позволителенъ, посмотрите, какая у васъ красная шея. Вамъ грозитъ апоплексія.

ЗЕЛЕН. У Константина Ивановича просто загадь. А вы на него нападаете!

КУМ. Вся жизнь меня въ этомъ домѣ преслѣдуютъ насмѣшками, и вотъ только одна сія достойная особа (показываетъ на НИНУ, грустно сидящую на ступенькахъ террасы) ни разу не посмѣялась.

ЛИДИЯ ЕЛ. Ната Нина вообще не изъ смѣливыхъ! Она вѣчно позируетъ на плачущую мадонну.

НИНА. Я никогда и ни на что не позирю, вы это отлично знаете, Лидія Владиміровна!

ЗЕЛЕН. Вѣрно! Слово "позировать" совсѣмъ къ вамъ не подходитъ, Нина! Если и есть здѣсь позеры, такъ это пожалуй прелестьѣйшая хозяйка, да можетъ быть и я - только позеръ плохой, не удавшийся.

КУМ. Да ужъ вы дѣйствительно! Какъ это сказано-то? Москвичъ въ гамлетовомъ плащѣ!

ЛИДИЯ ВЛ. Константинъ Ивановичъ! Ради неба не говорите цитатъ. Не въ гамлетовомъ, а въ герольдовомъ.

КУМ. Ну въ герольдовомъ, не все равно!

ЗЕЛЕН (смѣясь). А право было бы не дурно почувствовать себя въ герольдовомъ плащѣ. Сейчасъ взялъ бы такую трубу, фанфару и возвѣстилъ бы къ великой радости Константина Ивановича: "Ея величество Лидія Владиміровна проситъ дорогихъ гостей къ столу - обѣдъ поданъ".

КУМ. (спохватываясь). Какъ поданъ?

АННА ВАС. (съ террасы). Скоро больно, сударь мой, еще только накрывать на столъ собираемся!

КУМ. А Гамлетъ говоритъ - поданъ!

ЛИДИЯ ВЛ. (тихо). А вы смотрите, какъ Офелія на него засмотрѣлась. (Показываетъ на Нину). Василій Александровичъ, скажите сразу экспромтъ на тему Гамлета, пусть Офелія посмотритъ на васъ укоризненными, недобрими глазами.

ЗЕЛЕН. Что же, хулиганить опять приказываете?! Извольте, мнѣ не очень стыдно! (Декламируетъ).

"Какъ я могу играть въ Гамлета
Въ июльскій знойный полдень лѣта,
Когда Кумельскій ждетъ омета?
Прими насъ, медленная Лета!

ЛИДИЯ ВЛ. Bravo, bravo! Не плохо, особенно "когда Кумельскій ждетъ омета!" Господа, вы замѣчаете, какъ Василій Александровичъ для своего послѣдняго визита оживленъ?

ЗЕЛЕН Нервно взвинченъ! Не права-ли, докторъ?

КУМ. Ну, я, Василій Александровичъ, такого опредѣленія дать не могу. Кто васъ тамъ знаетъ - взвинченъ вы или нѣтъ!

НИНА (встаетъ, уходя). У меня тоже экспромтъ:

"Кому, зачѣмъ все это надо?
Противна эта клоунада!

ЛИДИЯ ВЛ. Отлично, великолепно. Я же вамъ говорила, что Офелія Кузьминична уйдетъ и разсердится. Она не выноситъ, когда Василій Александровичъ остритъ по моему заказу.

ЗЕЛЕН. А въ особенности, когда остритъ плоско - какъ сейчасъ. Но не избирайте и вы митеньку своей ироніи Ниночку! Не нужно этого, Лидія Владиміровна. Зачѣмъ дѣлать больно этой милой и такой одинокой дѣвужкѣ?

ЛИДИЯ ВЛ. Ну, конечно, такой милой и такой одинокой! Зачѣмъ дѣло,

перемените амплуа: вмѣсто увеселителя и шута при моемъ дворѣ, илите въ плакальщицы и утѣшители маленькой Мадонны.

ЗЕЛЕН. Можетъ быть такъ и сдѣлаю. Но вѣдь я завтра уѣзжаю. Это уже по возвращеніи. Кто знаетъ, что я найду здѣсь по возвращеніи! За три мѣсяца много воды утечетъ. Вѣдь въ Наугемь, я постарался залѣчить свое больное сердце. А оно, увы, жаждетъ покоя. (Наклоняясь). Оно пока не забыло прежняго, еще горятъ старыя раны любви. Залечить ли ихъ время - не знаю).

(КУМЕЛЬСКІЙ встаетъ и ходитъ по саду).

ЛИДІЯ ВЛ. Ахъ, что вспоминать объ этомъ! Любовь наноситъ раны глубокія, но рѣдко смертельныя. Если вы живете и можете уѣхать - вы спасенный человѣкъ, Василій Александровичъ. Повѣрьте, это и по моему опыту... Ахъ, единственная вещь глубокая, психологію коею я хорошо усвоила, это - любовь.

ЗЕЛЕНИНЪ. Какъ я уѣзжаю - въ этомъ вопросъ, милая Лидія Владиміровна! Самый фактъ отъѣзда говоритъ мало. Быть можетъ я не уйду, нѣтъ, просто собравъ остатокъ силъ - уползаю смертельно раненый. Зачѣмъ я это дѣлаю?

ЛИДІЯ ВЛ. Да, зачѣмъ?

ЗЕЛЕН. Быть можетъ для того, чтобы не отравлять жизни любимой женщины некрасивыми сценами - ревностью, ненужными признаніями, ненужной любовью.

ЛИДІЯ ВЛ. Да, никогда не слѣдуетъ отравлять хорошаго проваго неприятнымъ настоящимъ, плохимъ и настоящимъ, безъ будущаго. Уже лучше красивая память о прошломъ, чѣмъ некрасивая дѣйствительность. Не забудьте, что я васъ всегда ставила очень высоко, какъ необычайно тонкаго и культурнаго человѣка. Неужели вамъ выразить чувства такъ, ну, если хотите, шаблонно и мѣщански? Вы всегда сможете и сумѣете понять, когда это нужно, что нельзя оживить того, что суждено погибнуть. Или не погибнуть, быть можетъ даже возродиться, но въ другой просвѣтленной формѣ. (Къ Кумельскому). Докторъ, что вы бродите такъ уныло?

КУМ. Да, когда Кумельскій влетѣть ослета! А я вотъ не ослета жду, а щей хорошихъ. Я вотъ носомъ чувю, что вами пахнетъ!

ЗЕЛЕН. Странно, что у васъ сегодня, Лидія Владиміровна, стѣхалось такъ мало гостей къ обѣду. Совершенно необычное явленіе. Настъ съ Константиномъ Ивановичемъ собственно и за гостей нельзя считать. Мы какъ свои. Да я то вѣдь и съ прощальнымъ визитомъ.

КУМ. То есть я - достойнѣйшій другъ дома, завсегда такъ; это не то, что какойнибудь рѣдкій генералъ для свадебъ и баловъ.

ЛИДІЯ ВЛ. Хотѣлъ пріѣхать къ обѣду Эланскій но очевидно не можетъ

или раздумалъ.

ЗЕЛЕН. Не нравится мнѣ вашъ Эланскій. Есть въ немъ какой то дешевый вѣкъ армейскій, дешевый стиль злодѣйскій.

ЛИДИЯ. Ну-ну, не злословьте. Не соперника, чуете конкурента - вотъ и браните его. Не благородно, синьоръ.

ЗЕЛЕН. Неужели и Эланскій мнѣ конкурентъ! Какъ это обидно сознавать!

ЛИДИЯ ВЛ. Эланскій молодъ, красивъ, смѣль, ловокъ...

ЗЕЛЕН. (перебивъ). Умень, философски образованъ и пр..

ЛИДИЯ ВЛ. Пожалуй и это. Вы по старинѣ представляете всенныхъ какими то неучами.

КУМ. Достойнѣйшая! (Показывая на себя). А вы еще одного умнаго забыли?

ЛИДИЯ ВЛ. (смѣясь). Вы правы, Константинъ Ивановичъ, васъ и Василия Александровича признаю умнѣйшими людьми, но вотъ этотъ третій дополняетъ мнѣ двухъ первыхъ. Въ немъ есть то, чего нѣтъ у васъ обоихъ. Я уже сказала, что молодость, темпераментъ - этихъ свойствъ никакимъ умомъ замѣнить нельзя. Человѣкъ вѣдь всегда идетъ того, что ему не хватаетъ. Я старѣю и потому ярче, чѣмъ когда либо, сознаю власть и очарованіе молодости. Не забудьте - я вдова третій годъ и не собираюсь мѣнять своего положенія, несмотря на вздохи бѣдной моей старушки. Я свободна, а это, по моему, высшее счастье, глубочайшее блаженство. Я просто такъ... "Веселая вдова" - вотъ это я! И запомните: я не иду постоянства.

КУМ. Да-съ! Намъ это ни къ чему. Бѣ навѣ вѣкъ на одномъ постоянствѣ далеко не уѣдешь. Я вотъ своей женѣ 20 лѣтъ былъ вѣренъ, а она, оказывается, изъ 20-то десять меня обманывала, да въ концѣ концовъ и совсѣмъ увла.

ЗЕЛЕН. Да, одного постоянства мало - нужна большая любовь, серьезное пониманіе, уваженіе!

ЛИДИЯ ВЛ. Ерунда! Для любви не требуется уваженія. Я люблю такъ люблю, а уважаю такъ ужъ только уважаю. Это двѣ вещи разные. Любовь это само пѣль, нѣчто самодовлѣвшее; чувство, которое базируется на уваженіи и можетъ быть утрачено, съ утратой послѣдняго, конечно не прочно. По моему три вещи требуютъ человѣка всюю: любовь, искусство и война.

КУМ. А какъ же у насъ въ народной пѣснѣ поется: "любила, уважала, до вокзалу провожала?"

ЗЕЛЕН. Вы все балаганите, Константинъ Ивановичъ! Охъ, все это, правда,

было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно! Когда вы такъ говорите Лидія Владиміровна, не хочется вѣрить. Тяжело слышать такія признанія, но въ концѣ концовъ я имъ не вѣрю. У васъ есть привычка дѣлать себя хуже - это бравада, это та поза, о которой вы говорили. Конечно, есть вѣрное старое сравненіе, что въ каждой женщинѣ сидитъ вакханка и мадонна.

ЛИДІЯ ЕЛ. Ну, вакханку вы найдете во мнѣ, а мадонны нѣтъ. За мадонной отправляйтесь туда, на антресоли. Она только что туда удалилась, гордая съ плачущими и горящими глазами.

ЗЕЛЕН. Не понимаю вашего желанія переводить всегда въ некотливые моменты разговоръ съ больной головы на здоровую. Зачѣмъ вы опять кронизируете надъ Ниной, вѣдь она же ни въ чемъ не повинна!

ЛИДІЯ ВЛ. Ахъ, Боже мой, да ее я ни въ чемъ не виню. Какъ это скучно, въ концѣ концовъ! (Слышатся голоса; входитъ ЭЛЛАНСКІЙ).

ЭЛЛАНСКІЙ (кричитъ). Ура! Выку, что въ обѣденный колоколь еще не звонили. (Цѣлуетъ руку Лидіи ВЛ.). И всѣ въ сборѣ. Константинъ Ивановичъ со вчерашняго дня похудѣлъ.

ЛИДІЯ ВЛ. Я вамъ страшно рада, милый мой Петръ Николаевичъ. А мы только что вспоминали васъ. Есть ужъ именно - легко на поминѣ то.

КУМ. Да, достойнѣйшій, вспоминали васъ: кто пѣлъ дифирамбы, а кто иное говорилъ.

ЭЛЛАНСКІЙ. Кто же пѣлъ дифирамбы? Это интереснѣе, чѣмъ второе - "и н о е".

ЛИДІЯ ВЛ. Ну, конечно, я, Петръ Николаевичъ. Кто же, кромѣ меня, можетъ пѣть вамъ дифирамбы? Вѣдь не мужчины же! Вы знаете, какъ мужчины-соперники аттестуютъ другъ друга.

ЭЛЛАНСКІЙ (смѣясь). Ахъ, Константинъ Ивановичъ, Константинъ Ивановичъ, вотъ не ожидалъ...

КУМ. Оставьте, достойнѣйшій! При чемъ же я то здѣсь! Есть вы все смѣетесь надъ моей полнотой, а мнѣ гадалка предсказала, что я умру отъ контрактуры затылка. А вы знаете, у меня одинъ больной говорилъ, что онъ страдаетъ конъюктурой затылка!

ЭЛЛАНСКІЙ. Конъюктурой. Это забавно!

КУМ. Да въ сущности - конъюктура или контрактура - не все ли равно. Вѣдь причина одна - затылокъ.

ЭЛЛАНСКІЙ. Вамъ съ вами Константинъ Ивановичъ, поменьше надо шампанскаго пить.

ЛИДІЯ ВЛ. Ахъ, а я отъ этого напитка боговъ никогда не смогу отказаться! Однако что же съ обѣдомъ! Пойду узнаю, что тамъ творится. Пой-

демте со мной, Петръ Николаевичъ (береть Эланскаго подъ руку и уходитъ съ нимъ).

КУМ. Смотрю я на нихъ и думаю: какая прекрасная пара!

ЗЕЛЕН Прекрасная въ вавемъ воображеніи. Что вы въ этомъ дѣлѣ, докторъ, понимаете... Любовь, вѣдь не медицинское понятіе, а сложное физіо-психологическое!

КУМЕЛ. Съ точки зрѣнія полового подбора, пожалуй, и медицинское. Съ да что тутъ зря съ вами спорить. Не поспѣю я сегодня въ Горѣлая Горки. Съ, вотъ свинство то... Пойду-ка скажу послать телеграмму, къ вечеру дойдетъ. Пусть хоть не дожидаются. (Уходитъ. Выходитъ изъ комнаты НИНА и подходитъ къ сидящему съ опущенной головой Зеленину).

НИНА. Василій Александровичъ! (Зеленинъ встаетъ и идетъ за ней задумчиво). Мнѣ хочется вамъ сказать два слова.

ЗЕЛЕН Сколько хотите, Нина! Вы кажется, сегодня немножко не въ духѣ?

НИНА Какъ всегда! Развѣ я бываю иной? Да лучше не будемъ обо мнѣ говорить. Я не затѣмъ васъ позвала! Я хочу говорить о васъ, только о васъ. Дорогой Василій Александровичъ! Милый, умный, неужели вы не видите по какой дорогѣ вы идете? Неужели вы не отдаете себѣ отчета въ происходящемъ? Можетъ быть смѣшно, что я вамъ на это указываю! Но со стороны замѣтите. И потомъ я нахожусь подъ впечатлѣніемъ этой ужасной сегодняшней прогулки. Вѣдь все, что вы для нея дѣлали, это было порой прекрасно, ярко, остроумно, порой - неудачно, но вѣдь все это не достигало цѣли. Если бы вы только поймали взглядъ, какимъ она на васъ смотритъ, если бы вы уловили интонацію ея голоса... Вѣдь это смертный приговоръ вашему чувству, вашей любви. Если бы видѣли, какъ она сейчасъ шла съ этимъ Эланскимъ подъ руку, слышали, что говорила!

ЗЕЛЕН. Я многое вижу, многое знаю и о многомъ догадываюсь, Нина. Но что же дѣлать: я не могу поступать иначе. Спасибо вамъ, что жалѣете меня. Пожалуй я и не стою. Вы думаете, я не знаю души Лидіи Владиміровны - эгоистичной, жестокой? Вы думаете, я не знаю ея ужаснаго, несправедливаго отношенія къ вамъ? Все, все знаю. И не могу иначе. Есть въ ней что то, что дѣлаетъ меня ея работъ. Я ревную ее до безумія къ этому Эланскому. Вѣроятно все кончится катастрофой, но я не могу иначе - это свыше моихъ силъ. Вы ребенокъ, вамъ еще не понять многого изъ моихъ переживаній. Когда сами полюбите, тогда поймете. А понять значитъ простить!

НИНА. И вы ей простите все? И даже возможную близость этого Элан-

скаго. Вѣдь это случится на-дняхъ, если уже не случилось. Неужели ваше долготерпѣніе и до этого простирается? Неужели будетъ такъ великъ вашъ позоръ, ваше униженіе?!

ЗЕЛЕН. Нѣтъ, этого кажется я не прощу. Я не вѣрю въ серьезность ея каприза, но когда повѣрк, тогда...

НИНА. Тогда что?

ЗЕЛЕН. Тогда посмотримъ! Но вы, Нина, забываете, что я сегодня здѣсь въ послѣдній разъ. Вѣдь завтра я уѣду въ Наугеймъ и вернусь только черезъ два мѣсяца. О, за это время много воды утечетъ.

НИНА. Да, да, только это меня и утѣшаетъ. Элланскій будетъ здѣсь гостить навѣрное до вашего возвращенія. А я рѣшила не ждать.

ЗЕЛЕН. Что же вы хотите предпринять?

НИНА. Уѣхать! Я уѣду отсюда очень скоро, и вы меня здѣсь не застанете.

ЗЕЛЕН. Но куда вы поѣдете? Вѣдь у васъ ни знакомыхъ, ни денегъ.

НИНА. Пойду въ темную даль... Дайте только слово, что вы будете мнѣ отвѣчать на письма изъ вашего Наугейма.

ЗЕЛЕН. Конечно, да. (Выходятъ ЭЛЛАНСКІЙ и ЛИДІЯ ВЛ.).

ЭЛЛАНСКІЙ. А вы, Василій Александровичъ, не читали послѣднихъ телеграммъ?

ЗЕЛЕН. Нѣтъ еще, а что новаго?

ЭЛЛАНСКІЙ. Много новаго. Австрія собирается предъявить ультиматумъ Сербіи, обвиняя сербское правительство въ подготовкѣ убійства эрцгерцога.

КУМ. Да, какъ бы не заварилась каша!

ЭЛЛАНСКІЙ. Трусливые австрийцы пожалуй и на этотъ разъ ограничатся только угрозами.

КУМ. (читаетъ газету). Да, пахнетъ порохомъ. Россію втянуть въ войну, если она начнется, несмотря на наше миролюбіе.

ЭЛЛАНСКІЙ. Но наглость ихъ требованій растетъ съ каждымъ днемъ, и правда, они танцуютъ на вулканѣ.

КУМЕЛЬСКІЙ. Чего имъ, когда за спиной стоятъ честные германцы, которые никого не боятся, кромѣ Бога! Не забудьте, что у Вильгельма усы всегда закручены настрахъ врагамъ. (Слышатся звуки гонга. Выходятъ на террасу АННА ВАС. и Лидія ВЛАД.)

ЛИДІЯ ВЛАД. Василій Александровичъ, Петръ Николаевичъ, докторъ, объѣдать. Бросьте политику. Я сегодня угощаю на прощанье Василія Александровича великолѣпнымъ обѣдомъ. Пусть его будетъ вспоминать о русской кухнѣ въ своемъ вѣмецкомъ Наугеймѣ! (Зеленинъ предлагаетъ руку Нинѣ,

и всё идутъ на террасу).

КУМЕЛЬСКІЙ. Ура! Да здравствуютъ русскіе ди и да погибнетъ нѣмецкій супъ! И вообще долой австрійскихъ провокаторовъ!

З А Н А В Ъ С Ъ.

К А Р Т И Н А В Т О Р А Я.

"ПРИЗВЕТЪ".

Конечъ ночи. Чуть свѣтаетъ. Около дачи спитъ СТОРОЖЪ, старикъ. Откуда-то издалека раздаются звуки набата. Раздаются все громче и громче.

СТОРОЖЪ (просыпаясь). Господи, Боже мой! Никакъ пожаръ! (Встаетъ и смотритъ на поле). А зарева не видно. (Пробѣгаютъ полуодѣтые, испуганные крестьяне). Братцы, гдѣ горитъ?

НЕИЗВЪ. Ничего не знаемъ! Зарева нѣтъ, а въ набатъ бьютъ во всѣхъ станицахъ. Должно не казаковъ ли собираютъ. (Шумъ и суматоха увеличиваются. Изъ двери на террасу выходитъ ЭЛЛАНСКІЙ).

ЭЛЛАНСКІЙ (сторожу). Въ чемъ дѣло, старина? Что за шумъ? Гдѣ пожаръ? Можеть бѣтъ отъ усадьбы близко?

СТОРОЖЪ. Не пойму, баринъ! Тревогу бьютъ вездѣ, а огня не видно. И народъ то бѣжитъ сломя голову, а куда - зачѣмъ - не знаютъ.

ЭЛЛАНСКІЙ. Странно! Да, а шумъ тутъ такой, что у насъ всѣхъ разбудятъ!

(Выходитъ ЛИДІЯ ВЛ. закутавшись въ платокъ).

ЛИДІЯ ВЛ. Вы тоже проснулись, Петръ Николаевичъ? Что тутъ творится? (Сторожу). Алексѣй, гдѣ пожаръ?

ЭЛЛАНСКІЙ. Онъ не знаетъ, Лидія Владиміровна! Ни онъ, ни я, никто изъ бѣгущихъ казаковъ не понимаютъ, въ чемъ дѣло. Во всякомъ случаѣ, это не пожаръ, и зарева нигдѣ не видно. Вамъ холодно, хотите я вамъ принесу свой плащъ? Утро сегодня такое свѣжее, холодное, словно покрытое инеемъ.

ЛИДІЯ ВЛ. Чудесное утро! И мнѣ совсѣмъ не холодно. Я словно почувствовала, что вы встали и уже больше не могла спать. Несмотря на этотъ страшный набатъ, у меня никакихъ дурныхъ предчувствій, и такъ легко и радостно на душѣ. Это у меня со вчерашняго вечера, послѣ бесѣды съ вами.

ЭЛЛАНСКІЙ (пѣлуеъ ея руку). Милая вы, милая! Впереди насъ идетъ столько яркаго, радостнаго, прекраснаго... (Выходитъ НИНА, потомъ АННА ВАС., КУМЕЛЬСКІЙ; всѣ встревожены, полуодѣты).

НИНА (Кумельскому). Вы помѣвали! Сейчасъ разыгрывалась великолѣпная сцена изъ "Ромео и Джульетты" - 4-й актъ! Однако въ чемъ дѣло?

КУМ. (кричитъ бѣгушимъ). Гдѣ горить? Куда бѣжите?

СТОРОЖЪ. Я пойду, баринъ, узнаю. Тутъ недалеко.

ЛИДИЯ ВЛ. Да, да, бѣги Алексѣй, я сейчасъ же вернусь, когда узнаешь въ чемъ дѣло. И такъ всѣ въ сборѣ, ахъ, господа, какіе вы всѣ зеленые!

АННА ВАС. Что же это за напасть такая? Чуетъ мое сердце недоброе.

КУМ. Да, вѣтъ набатъ дѣйствуетъ на нервы. Я, признаться, какъ встре-
паннѣй соскочилъ, думалъ вся станица въ огнѣ.

ЭЛЛАНСКІЙ. Выходить, милѣйшій докторъ, что вы какъ будто слегка ра-
зочарованы. Эхъ, Константинъ Ивановичъ, надо радоваться, что мы не го-
римъ.

КУМ. Э, батенька, дыму безъ огня не бываетъ. Хотя дымъ я вижу, такъ
сказать, только отъ вашей папиросы, но чувствую, знаете, верхнимъ чуть-
емъ, что въ набатъ колотятъ не даромъ.

ЭЛЛАНСКІЙ. Сейчасъ, господа, все разъяснится. Я вижу впереди бѣжить
нашъ Алексѣй!

ЛИДИЯ ВЛ. Испуганный онъ какой-то, безъ валки. (Кричитъ). Въ чемъ дѣло
Алексѣй, говори скорѣй!

СТОРОЖЪ. (запахавшись, качаетъ головой и жестикулируетъ въ волненіи
правой рукой). Эй да, барыня: война, мобилизація!

ЭЛЛАНСКІЙ (вскакивая). Мобилизація! Война? Кто тебѣ сказалъ?

СТОРОЖЪ. Тамъ начальство. Всѣхъ казаковъ собираютъ въ колоколь, что-
бы скорѣй собирались. Ночью пришла телеграмма: мобилизація объявлена.
Господи, Воже мой, плачу, горя то что будетъ... Уже теперь бабы заголо-
сили.

ЛИДИЯ ВЛ. Воже мой, какой ужасъ! Неужели опять война?

ЭЛЛАНСКІЙ. Значитъ у меня уже дома лежитъ телеграмма о призывѣ. Ну,
что же, воевать такъ воевать. Такова судьба наша!

ЛИДИЯ ВЛ. (вспуганно). Петръ Николаевичъ! Неужели васъ возьмутъ? Не-
ужели война?

ЭЛЛАНСКІЙ. Конечно, мобилизація еще не война, и на этомъ дѣло можетъ
остановиться. Но кажется теперь зашло порохомъ серьезно. А насъ, кавалерію,
конечно, потянутъ въ первую голову.

ЛИДИЯ ВЛ. (унавшимъ голосомъ). Господи, и это теперь, теперь... Какъ
же я то... (тихо). Я сойду съ ума отъ страха за тебя.

ЭЛЛАНСКІЙ. (тихо). Успокойся, не нужно показывать своего волненія
никому. (Громко). Богъ не вѣдастъ и нѣмецкая свинья не съѣстъ.

КУМЕНСКІЙ. Эге! Значитъ теперь и насъ, докторовъ, на дугундерб! Дав-
но ли я въ японскую войну ходилъ, теперь опять развѣртывать госпита-
ли.

АННА ВАС. (взвздывая). Крови то, крови опять сколько прольется...

(Плачетъ).

ЭЛЛАНСКІЙ. Да, война будетъ ужасна! Безъ всякаго сомнѣнія, мы будемъ воевать съ Австріей и Германіей. Поможетъ ли намъ Франція? Какъ отнесется къ этой войнѣ русское общество? Страшно за Россію! Эта война ужаснѣе войны съ Наполеономъ.

КУМЪЛЕСКІЙ. О да, Василій Федоровичъ навѣрное падитъ и переименуется съ нами не станетъ. Что то будетъ, что то будетъ? (Слышна плачь женщины и крики. Приближаются голоса).

КАЗАЧКА (удѣвившись за руку мужа, рыдаетъ). Родимый ты мой, на кого ты насъ сиротъ кинешь. Сердечный ты мой...

МОЛ. КАЗАКЪ. Не плачь, не плачь, Настя! Люди помрутъ. Да можетъ еще и войны то не будетъ, а ты ужъ меня хоронить собралась. (Проходятъ).

ЛИДИЯ ВЛ. Какой ужасъ! Какой кошмаръ! Вотъ онъ неприкрашенный, уродливый призракъ войны. Ужасъ, ужасъ, слезы, муки... За что, зачѣмъ? И вѣдь это только начало!

СТОРОЖЪ. Вѣда, Завтра къ 12 часамъ они ужъ должны явиться съ конемъ и оружіемъ. Говорятъ, въ тотъ же день поѣдутъ дальше.

ЭЛЛАНСКІЙ. Да, черезъ десять минутъ поскачу къ себѣ и я. Навѣрное меня ждетъ телеграмма.

КУМЪ. Да поскачу, куме, и я! Теперь всѣмъ придется дружно взяться за дѣло. Кому сражаться, а кому войнамъ раны перевязывать.

ЛИДИЯ ВЛ. (Элланскому). Неужели вы сейчасъ уѣдете?

ЭЛЛАНСКІЙ. Это мой долгъ! Развѣ я не долженъ подзвать примѣръ другимъ? Развѣ я не обязанъ явиться по первому призыву?

ЛИДИЯ ВЛ. Воже, какой кошмарной, нелѣпой мнѣ кажется жизнь! Вѣдь только пять минутъ назадъ вы говорили, что насъ ждетъ яркая, прекрасная жизнь! И что же? Все рухнетъ... Кругомъ стонъ и слезы.

АННА ВАС. (плачетъ). Ахъ, я не могу слышать слезы этихъ несчастныхъ. (Плачь и шумъ вокругъ продолжаются). Сколько сиротъ, сколько калѣкъ, сколько голодныхъ!...

НИНА (подходя къ доктору). Константинъ Ивановичъ! Дайте мнѣ слово, что вы меня устроите въ сестры милосердія!

КУМЪ. Да, да, дѣточка! Все отъ васъ будетъ зависеть. Выдержите ли только сами. Вѣдь дѣло то какое тяжелое, мучительное!

НИНА. Развѣ вы меня не знаете? Что я должна сдѣлать, чтобы попасть въ сестры?

КУМЪ. Пустяки: прослушаете двухнедѣльные курсы для сестеръ, а такъ я васъ пристрою.

НИНА. Спасибо, голубчикъ. Я чувствую, что это можетъ для меня явить-

ся настоящимъ искупленіемъ. У меня душа горитъ.

КУМ. Да, эта война будетъ другой. Чувствую, что не въ духѣ японской.

ЭЛЛАНСКІЙ. Это освободительная, а не завоевательная война. Война идейная, и русскій народъ и реагировать на нее будетъ иначе. Было бы только единодушіе, а съ нимъ Россіи никакой врагъ не страшенъ.

НИНА. Докторъ, скажите, голубчикъ, а что Василію Александровичу не угрожаетъ опасность?

КУМ. Зеленину - думаю, что нѣтъ.

ЛИДИЯ ВЛ. Да, да, въ самомъ дѣлѣ, вѣдь онъ теперь навѣрное только что приѣхалъ въ Берлинъ.

КУМ. Ну, успеетъ уѣхать. Да, я думаю, что предоставятъ нѣмцамъ какой нибудь срокъ на выѣздъ русскихъ.

ЛИДИЯ ВЛ. Да, вѣдь тамъ на нѣмецкихъ и австрійскихъ курсахъ - десятки тысячъ больныхъ. Вѣдь нельзя же ихъ выкинуть сразу, какъ ненужный хламъ.

ЭЛЛАНСКІЙ. Да, я думаю, что несмотря на всю свою грубость, нѣмцы этого не сдѣлаютъ.

КУМ. Тѣмъ болѣе, что у насъ такая масса нѣмцевъ у самихъ, да здоровыхъ и откормленныхъ, не чета нашимъ худосочнымъ гостямъ изъ Россіи.

(За сценою шумъ все продолжается).

ЭЛЛАНСКІЙ. Хорошо бы сейчасъ послать на станцію за газетой. Теперь навѣрное скоро придетъ почтовый (смотреть на часы). Ну, а я поѣду.

ЛИДИЯ ВЛ. Ради Бога, подождите хоть немного. Я пошла Алексію за газетой. Узнаемъ изъ телеграммъ, что дѣлается, тогда поѣдете.

ЭЛЛАНСКІЙ. (кричитъ). Алексій, Алексій! (Подходитъ старикъ сторожъ).

ЛИДИЯ ВЛ. (сторожу). Сходи, голубчикъ, на станцію за газетой. Узнай тамъ кстати если есть какія новости.

ЭЛЛАНСКІЙ. И скорымъ маршемъ обратно. Даемъ тебѣ сроку десять минутъ.

СТОРОЖЪ. Раньше слетав. Дѣла-то дѣла... Господи, что творится. (Быстро уходитъ).

ЛИДИЯ ВЛ. (матери). Мамочка, вы устали, идите спать, здѣсь холодно и сыро...

АННА ВАС. (отмахивается рукой). Что ты матушка! Какой сонъ... Да разве можно теперь спать! Вся Россія можетъ быть теперь не спать. Матери сыновей на войну провожаютъ...

КУМ. (торжественно). Да, всколыхнулась Россія, тронулась, опять повлакипѣтъ бурей. И мы понесемся за этимъ ураганомъ, налетѣвшимъ такъ внезапно.

ЛИДИЯ ВЛ. Ужасъ! Ужасъ! Кто могъ бы еще вчера вѣдать и думать о томъ,

что случится.

КУМ. А я предсказывалъ. Чужало докторское сердце! Диагнозъ политическій былъ вѣрно поставленъ. Провокація Сербіи была рассчитана на то, чтобы подвергнуть искушенію миролюбіе и честь и достоинство Россіи. Игра была рассчитана тонко. Да вѣдь гдѣ тонко, тамъ всегда и рвется.

ЭЛЛАНСКІЙ. (смотря въ даль). Какой-то верховой сюда скачетъ. Прямо на усадьбу, спѣвился! Сюда идетъ! Не меня ли ищетъ?

КРЕСТЬЯНЪ. Здѣсь находится корнетъ Эланскій?

ЭЛЛАНСКІЙ. Это я. Что у тебя - телеграмма?

КРЕСТЬЯНИНЪ. Да, баринъ! Послали меня нарочнымъ изъ вашей квартиры. Мобилизаціонная депеша, сказываютъ, получена. Такъ просили передать.

ЭЛЛАНСКІЙ (беретъ телеграмму и нервно разворачиваетъ). Ну, такъ и есть: приказъ немедленно явиться. Я ѣду! (Даетъ деньги посланному). Спасибо, голубчикъ. (Крестьянинъ уходитъ).

ЛИДИЯ ВЛ. Ну пять минутъ еще. А потомъ я васъ провожу. Сейчасъ Алексѣй принесетъ газету. Боже мой, Боже мой... Куда же вы сейчасъ поѣдете?

ЭЛЛАНСКІЙ. Пока прямо въ Москву. А потомъ видно будетъ. Навѣрное сразу на границу поѣдемъ.

ЛИДИЯ ВЛ. Сейчасъ я поѣду проводить васъ вѣскольکو станцій. А завтра къ вамъ въ Москву. Пока вы не уѣдете, я буду въ Москвѣ съ вами. Тамъ я нужнѣе, можетъ быть кому нибудь пригожусь.

ЭЛЛАНСКІЙ. Чудесно. Хотя послѣдніе дни будемъ вмѣстѣ. Ага, вотъ и Алексѣй бѣжитъ! (Вбѣгаетъ сторожъ съ газетой). Давай скорѣй новости. Ну, мѣстная газета едва ли порадуетъ насъ ихъ обиліемъ.

ЛИДИЯ ВЛ. Алексѣй, велите, голубчикъ, заложить лошадей! Серафима, пальто, шляпу, зонтикъ - самое необходимое!

КУМ. Читайте прежде всего телеграммы петербургскаго агентства. (Всѣ окружаютъ Эланскаго).

ЭЛЛАНСКІЙ (читаетъ) Петербургъ. Изъ Вѣлграда сообщаютъ - австрійскія войска бомбардируютъ Вѣлградъ. Мостъ на Савѣ взорванъ. Опубликованъ манифестъ Франца-Иосифа о войнѣ". Дальше: "Петербургъ. Положеніе крайне серьезно. Германія отклонила посредничество Англіи. Австрія отказалась продлить срокъ ультиматума Сербіи". И далѣе текстъ Высочайшаго Указа о мобилизаціи.

КУМ. И такъ, сомнѣній нѣтъ: война почти объявлена, и пока мы разговариваемъ, быть можетъ уже началась. Помоги намъ, Боже, спасти правое дѣло!

НИНА (подходить къ Лидіи Вл.) Въ эту минуту мнѣ хочется все забыть и просить у васъ прощенія. Возьмите меня съ собой въ Москву. (Протягиваетъ руки Лидіи Вл.).

ЛИДИЯ ВЛ. (плачетъ). Нина прости, голубушка. Я больше виновата. Ты права: сейчасъ все забыть надо... Поидемъ съ нами, конечно. Будемъ утѣшать, помогать имъ, какъ можемъ, какъ умѣемъ (Обнимаются и плачутъ).

КУМ. (смахиваетъ слезы). Всколыхнулась Россія, пошла войной. Помогите намъ, Господи! (Входитъ сторожъ).

СТОРОЖЪ. Лошадь подана.

ЛИДИЯ ВЛ. Ну теперь, по старому русскому обычаю, надо присѣсть. (Всѣ садятся, сидятъ нѣсколько секундъ молча, потомъ разомъ встаютъ).

ЛИДИЯ ВЛ. (подходить къ матери). До свиданья, мамочка! Я скоро вернусь. Провожу только Петра Николаевича.

АННА ВАС. (плачетъ). Богъ съ тобой!

ЭЛЛАНСКІЙ (пѣлуеетъ руку Анны Вас.)

АННА ВАС. Благослови тебя Господь. Помогите тебѣ Боже вернуться живымъ. Прими отъ меня этотъ образокъ. Пусть онъ будетъ замѣсто материнскаго благословенія. (Всѣ прощаются и плачутъ).

НИНА. Прощайте, Петръ Николаевичъ! Увидимся въ Москвѣ!

КУМ. И я за вами (со слезами въ голосѣ) пѣтушкомъ... Черезъ три дня въ Москвѣ увидимся. (Звенятъ колокольчики отъѣзжавшихъ).

АННА ВАС. (печально). И останутся теперь въ домахъ только старики да женщины. (Смотритъ въ слѣдъ). Помогите имъ, Богъ!

КУМЕЛЬСКІЙ и НИНА (махутъ платками въ слѣдъ).

З А Н А В Ѣ С Ъ.

К А Р Т И Н А Т Р Е Т Ъ Я.

"ГОЛОСЪ НАРОДА"

Сцена представляетъ изъ себя Тверскую площадь. Виденъ памятникъ Скобелеву и часть гостиницы "Дрезденъ". На площади стоитъ группа простонародья. Газетчикъ съ громадной сумкой, наполненной газетами. Мастеровой-маляръ съ ведромъ и кистью.

ГАЗЕТЧИКЪ (глядитъ вдоль улицы). Оге! Да теперь туда по Тверской и не пройдешь! Вся Тверская сюда идетъ. Народу то, что людей - вотъ валять... Прямо видимо-невидимо. И по тротуварамъ и ко мостовой.

БАВА. Это чего же народъ то идетъ, дяденька? Несутъ что то, врозь какъ праздникъ?

МАЛЯРЪ. Праздникъ, кума, и есть! Всѣ вмѣстѣ и сообча, то есть всѣмъ обществомъ. Вотъ какъ - сидѣли, сидѣли, да какъ пошла свивать! Значь

моль навихъ. Раскачался народъ. Ну, и навъ братъ - мастеровой - тоже собственно!

БАБА. Ну, з дѣлать то чиво будуть?

МАЛЯРЪ. Говорить, купчиха, будуть. Объяснять - что и какъ. И чтобъ нѣмцевъ значить окончательно побить намъ, безъ пораженіевъ. Поняла что ли?

БАБА (сердито). Ну, поняла, что жъ тутъ не понять/то.!

МАЛЯРЪ. Ну, да вѣдь ты у меня больно грамотна! Такъ то мамада!

БАБА. Такъ бы я и не знала, кабы ты не встрѣлся! А еще вчерась такую аттеставію у Трухмальныхъ воровъ видѣла. Народу что было! Поди сколько часовъ не ѣмши не пимши стояли. И то же разное такое говорили. Они вѣрно и идуть. Все взадъ назадъ, ходять. Вонъ видъ кучерявый впередя? И то бидто онъ вчерась „ура“ нуще всѣхъ кричалъ. Видимости мало, а какъ крикнетъ... Мила-ай!

ГАЗЕТЧИКЪ. Ну, будетъ болтать-то, сорока! Шапки долой да и дорогу имъ дать надо. (Снимають шапки. На сцену выходитъ толпа манифестантовъ съ флагами. Слышатся крики: "Гимнъ, гимнъ!" Раздается стройное дружное пѣніе Народнаго Гимна).

РАЕСЧІЙ (въбираясь на возвышеніе). Граждане! (Крики - "тише, тише"). Товарищи! Насталъ тяжелый часъ для нашей родины. Германія объявила намъ войну. Но мы идемъ на святое дѣло - на защиту братьевъ славянъ, стоявшихъ подъ тевтонскимъ игомъ. Если сегодня ихъ очередь погибнуть, то завтра наша. Россія не допуститъ этого. За нашу побѣдоносную армію! Ура! (Восторженные, громовые крики "ура").

СТУДЕНТЪ (занимаетъ мѣсто рабочаго). Граждане! Нѣмецкій кулакъ замахнулся надъ нашей родиной, грозитъ нашей свободѣ. Вы знаете, какъ озвѣриле тевтоны обращаются съ нашими русскими, случайно оставшимися за границей, не успѣвшими обжаты ^{въ} Россію. Больныхъ выбрасывали изъ больницы, матерей разлучали съ дѣтьми. Многие сошли съ ума. Матери, разлученныя съ дѣтьми, бросались въ море. Мы знаемъ, что значить культура бронированнаго нѣмецкаго кулака. Желѣзомъ и кровью Вильгельмъ Кровавый хочетъ покорить міръ. Мы знаемъ, какая участь ждетъ Россію, въ случаѣ побѣды нѣмцевъ. Нѣмцы презираютъ насъ, гордятся своей культурой, но мы видимъ, какіе она несетъ плоды. Будемъ же единодушны: дадимъ дружный отпоръ зазнавшемуся врагу. Долой Германію! Долой насильниковъ! Долой Австрію! (Дружные крики "долой, долой").

НЕИЗВ. (изъ толпы, не на возвышенія). Товарищи! Сейчасъ я бѣжъ въ редакцію. Тамъ ожидается съ минуты на минуту объявленіе войны Англіей Германіи. Англія выступаетъ въ этой войнѣ нашимъ союзникомъ. Да здрав-

ствуешь Англія! (Крики толпы "да здравствует Англія").

СТАРИКЪ. Русскіе граждане! (Снова крики "гине, гине". Я помню освободительную войну 1877 года. И тогда Россія встала какъ одинъ человекъ въ защиту порабожденной, замученной славянской раи. И тогда было единодушіе и негодование по поводу турецкихъ зверствъ. Черезъ 40 лѣтъ мы переживаемъ снова тѣ же чувства, тѣ же мысли, тѣ же настроенія. Но вмѣсто турецкихъ бани-бузуковъ стали культурные нѣмцы, рѣшившіе огнемъ и мечемъ поработить весь міръ. Вы слышали объ ихъ насиліяхъ. Не даромъ Турція почувствовала въ Германіи союзницу, связанную общими узами кроваваго родства. Императоръ Вильгельмъ - императоръ бани-бузуковъ. Но есть надъ землей Вислая Боля. Развѣ не видитъ всего Тотъ, Кто сказалъ: "Мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ". Ангель мести вложитъ мечъ свой въ руку Россіи и этимъ святымъ мечемъ огненнаго ангела мы поразимъ врага въ сердце. Братья! взявши мечъ отъ меча и погибнуть. Мы не хотѣли войны. Русскій народъ миролюбивъ. Мы не хотимъ завоевывать чужой территоріи: Намъ довольно своей. Но въ этотъ часъ моручей брани, взявъ свой стягъ въ руки, въ борьбѣ за правое дѣло, мы должны побѣдить или умереть. Впередъ же за правду, за свободу противъ насильниковъ и убійцъ! Впередъ! (Крики "впередъ, впередъ")!

МСЛ. РАБОЧИЙ. Товарищи! Нѣмецкіе шпіоны доносили своему правительству, что насталъ благоприятный моментъ напасть на Россію, такъ какъ вся страна охвачена рабочими волненіями. Они ошиблись въ расчетахъ! Какъ одинъ человекъ поняла стотысячная рабочая армія, что сейчасъ не время заниматься внутренними спорами, что сейчасъ этими раздорами мы играли бы въ руку врагу. Мы встали на работу дружно безъ понужденія, добровольно. Мы будемъ работать такъ, какъ не работали никогда! Этими руками (поднимаетъ руку) крѣпкими руками рабочаго мы соткемъ ткани, чтобы одѣть солдатъ, этими руками мы отольемъ пушки и ядра, которыя нанесутъ смерть во вражескій станъ. Этими руками рабочихъ мы перекуемъ ораля на мечи и направимъ ихъ въ грудь врага. Да здравствуетъ русскій рабочий! (Единодушные крики "да здравствуетъ русскій рабочий")

ГОЛОСЪ ИЗЪ ТОЛПЫ. Товарищи! пропустите запасныхъ! (Все разступается. Проходятъ рядами запасные, одѣтые еще не въ полную форму. Слышны крики "Запаснымъ ура! Да здравствуетъ русская армія!")

КУРСИСТКА. Здѣсь говорили и студенты, и рабочіе, и старики. Я хочу сказать отъ имени русской женщины. Граждане! Вы мужчины идете проливать свою кровь, но и мы не останемся равнодушны. Русская женщина всегда была тамъ, гдѣ нужно было облегчить страданья страждущихъ, муки замученныхъ. Мы пойдемъ съ вами на ту работу, которая всегда лежала на нашихъ плечахъ. Мы будемъ одѣвать солдатъ, лить имъ бѣлье, ухаживать за

раневыми, утѣшать слабыхъ и усталыхъ. Со времени декабристовъ, воспитанная Некрасовыми, русская женщина шла на страданія и крестныя муки за мужчиной. Примите же отъ насъ привѣтъ, наши мужья, наши сыновья, наши братья-мужчины. Въ этой борьбѣ мы съ вами, какъ всегда, когда идетъ борьба за правое дѣло! Мы вѣримъ, что за этой борьбой, изъ которой намъ нужно выйти побѣдителями, яркое солнце свободы и знанія засіяетъ надъ нашей измученной родиной. Испытаніе, посылаемое намъ - послѣднее; мы должны побѣдить врага міра, этого палача народовъ, пожелаваго стать "Княземъ міра". И въ случайномъ пораженіи и въ грядущей побѣдѣ - мы русскія женщины съ вами. (Крики „ура“ да здравствуютъ русскія женщины“)

РАБОЧИЙ (встаетъ съ телеграммой). Товарищи! Наконецъ получена телеграмма, что Англія за насъ. Она объявила войну Германіи. Франція объявила войну Австріи. Товарищи! Предлагаю пойти къ французскому и англійскому консульству и устроить имъ сочувственныя манифестаціи. (Крики "марсельезу, англійскій гимнъ. Идемъ къ французскому консульству. Слышатся звуки марсельезы. Толпа медленно двигается впередъ. Появляется Лидія Ел. подъ руку съ Элланскимъ, Кумельскій съ Ниной. Элланскій въ походной формѣ; Кумельскій также въ формѣ военнаго доктора):

ЛИДИЯ ЕЛ. Господа, подождемъ немного. Я очень устала.

КУМ. Пропустимъ ихъ впередъ. Господи, какое у всѣхъ воодушевленіе на лицахъ, какой подъемъ! Кто могъ бы сказать, что Россія будетъ такъ единодушна. Студенты, рабочіе, старики: всѣ идутъ на улицу, чтобы слиться въ общемъ порывѣ. Мнѣ все кажется сномъ. Гдѣ наши распри, ссоры, взаимное недоверіе...

ЭЛЛАНСКИЙ. Да, меня сегодня уже два принимались качать. А помните, какъ холодно относились къ нашему брату раньше?

ЛИДИЯ ЕЛ. Петръ Николаевичъ, значить вы завтра утромъ уйдете?

ЭЛЛАНСКИЙ. Да, навѣ полкъ выступаетъ завтра. Можетъ быть сегодня видныя въ послѣдній разъ.

КУМ. А у меня еще разная походная амуниція не готова. Коньякъ, машилка, записная книжка - вотъ пока мой багажъ. Еще два дня на сбора, этого недостаточно.

НИНА. А я значить завтра уже поступаю на курсы для сестеръ?

КУМ. Завтра, завтра. Для васъ и госпиталь приготовимъ. Будете работать въ такомъ, гдѣ заразныхъ больныхъ не будетъ, только раненые будутъ.

НИНА. Да я не боюсь и заразныхъ и не хочу для себя исключеній.

ЛИДИЯ ЕЛ. А я все молчала, о себѣ думала, что вы не повѣрите. Завтра

же, какъ только уѣдетъ Петръ Николаевичъ, пойду и я съ Ниной на курсы.

ЭЛЛАНСКІЙ. Правда - и вы? Какъ это хорошо! Я такъ и думалъ.

КУМ. Молодежь Лидія Владиміровна! Обѣихъ васъ устрою вмѣстѣ съ Ниной. Какъ война то всѣхъ примирила!

ЛИДІЯ ВЛ. Неужели правда, вы думать могли, что я уже такая погибшая бѣлоручка и никчемная женщина, что въ такія событія останусь прежней? Вѣсь влетѣть повлости, которой лежалъ на мнѣ, вихрь войны смелъ безъ остатка. Я другая, вѣрьте мнѣ, совсѣмъ другая, я близкая вамъ всѣмъ, я ва-на.

ЭЛЛАНСКІЙ (цѣлуетъ ей руку). Мнѣ легче бѣжать, зная, что у васъ душа стала ясней и спокойной. Въ огнѣ войны мы всѣ очищаемся духомъ. Вѣдь и я - другой!

КУМ. Вѣсь сегодняшній провальный вечеръ мы не должны разлучаться. Сейчасъ я сдѣлаю кой-какія закупки и потомъ къ вамъ, Лидія Владиміровна.

НИНА. Я съ вами, докторъ. Можно? (Къ Лидіи Влад.) А вы идите домой. Везите ее на извозчикѣ, Петръ Николаевичъ, она едва на ногахъ стоитъ отъ усталости.

КУМ. И такъ, черезъ часъ у васъ встрѣтятся. А мы съ Ниночкой за покупками. Я и ее научу медикаменты собирать. До скорого свиданія.

ЛИДІЯ ВЛ. До свиданья, милые вы мои. Правда, я измучена и поѣду домой.

ЭЛЛАНСКІЙ. А мы все стоимъ въ нервнѣтельности. (Ласково) Намъ очень плохо?

ЛИДІЯ ВЛ. Милый мой, милый, вѣдь сегодня я съ тобой прощаюсь. Я бодрюсь какъ могу. Но я не героиня, силъ у меня такъ мало. Я женщина. Я знаю, что я должна внушать тебѣ бодрость и силу. Ну прости меня... Вотъ сейчасъ все прошло (улыбается). Смотри, какой смѣшной мальчуганъ бѣжитъ съ телеграммой.

ГАЗЕТЧИКЪ. Новья, только что полученныя телеграммы! Японія собирается объявить войну Германіи!

ЭЛЛАНСКІЙ. Подожди, подожди... Вотъ тебѣ за радостная вѣсти двугривенный: (Мальчикъ убѣгаетъ съ криками: "Японія рѣшила объявить войну Германіи")

ЭЛЛАНСКІЙ (читаетъ вслухъ). Петербургъ. Сегодня стало извѣстнымъ, что Японія рѣшила выступить активно, какъ союзница Англіи, въ ея вооруженномъ столкновеніи съ Германіей. Въ Токио и Владивостокѣ состоялись грандіозныя сочувственныя Россіи манифестаціи. Печать всѣхъ направленій высказывается за поддержку Японіей Англіи. (Вокругъ Эланскаго и его спутника собирается толпа).

ГОСПОД. ВЪ ОЧКАХЪ. Слава Богу, однимъ опаснымъ врагомъ у нѣмцевъ больше. Спасибо вамъ за сообщеніе. Позвольте мнѣ пока въ вашу руку по-братски, съ пожеланіемъ подвига уснѣха нашей арміи. (Голоса - "позвольте и мнѣ, и мнѣ"... Всѣ окружаютъ Эланскаго, пожимаютъ ему руку).

СТАРИКЪ. А мнѣ, старому человѣку, позвольте васъ обнять и поцѣловать, какъ сына. Дай вамъ Богъ... (крѣпко цѣлуются).

ЭЛАНСКІЙ. (взволнованно). Господа, вы не можете представить, какъ намъ дорого ваше сочувствіе. Мы такъ имъ не избалованы. Но зная, что съ нами ваши мысли, ваши надежды, мы умремъ спокойно. (Лидія Владиміровна). Ты видишь, какъ хорошо бхаться съ такими пожеланіями, съ такимъ настроеніемъ.

СТАРИКЪ. Да здравствуетъ русская армія! Ура! (Всѣ кричатъ ура и снимаютъ шапки).

ЭЛАНСКІЙ. Сюда, кажется, снова манифестанція!

СТАРИКЪ. Да, да, это манифестанція французской колоніи. А за ней идетъ манифестанція чеховъ.

ЭЛАНСКІЙ. Дорогая моя, нужно идти, а то вѣдь мы будемъ участвовать въ новой манифестанціи и не уснѣемъ выбраться. Идемъ же!

ЛИДІЯ ВЛ. Идемъ, милій!

(Слышатся звуки марсельезы. И новая процессія выходитъ на площадь. Развѣваются флаги).

З А Н А В Ъ С Ъ.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

"ВЪ НѢМЕЦКОМЪ ПЛѢНУ".

Большой, грязный, темный каменный сарай. Крохотныя окна высоко подъ потолкомъ почти не даютъ свѣта. Полумракъ. У стѣнъ, на полу сидятъ и лежатъ съжившіяся жалкія фигуры мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Посрединѣ, ближе къ авансценѣ, грудой навалены багажъ, на которомъ сидятъ нѣсколько человѣкъ въ повурныхъ позахъ. Ближе всѣхъ выдѣляется фигура Зеленина.

ЗЕЛЕН. (собесѣдникамъ). Да, самое ужасное въ нашемъ положеніи - это неизвѣстность. Мы не знаемъ, что ждетъ насъ завтра, что дѣлается въ Германіи, что въ Россіи. Вчера прусскій фельдфебель нагло смѣялся мнѣ въ лицо, говоря, что мнѣ некуда спѣтить, такъ какъ Варшава взята, въ Польшѣ возстаніе, въ Петербургѣ революція. Ужаснѣе всего, что это можетъ быть правдой.

ВЪЛЕВСКІЙ (профессоръ). О, я никогда не забуду этого кошмарнаго пути отъ Берлина до Кенигсберга. Черезъ какине полчаса раздавался грубый

крикъ: "Russen austeigen!" и насъ выбрасывали изъ вагоновъ, какъ ненужный балластъ. На моихъ глазахъ, въ суматохѣ оставили нѣсколько дѣтей въ вагонѣ и несмотря на крики матерей, поѣздъ умчался. Женщинъ гнали прикладами. И все это дѣлалось на глазахъ у прусскихъ офицеровъ, которые издѣвались и курили сигары. Я слышалъ, какъ они говорили: пускай давятъ другъ друга русскія свиньи. Туда имъ и дорога!

ЗЕЛЕН. Безумный кошмаръ, непонятная, нелѣпая жестокость. Какъ они не понимаютъ, просто какъ торгари, что они гонятъ и бьютъ больныхъ, которые изъ года въ годъ обогащали ихъ курорты. Убить курицу, которая несетъ золотыя яйца!

БѢЛЕВСКІЙ. И какой смыслъ арестовывать въ качествѣ военнопленныхъ женщинъ, дѣтей и мужчинъ свыше сорокалѣтняго возраста. Неужели имъ опасна для арміи императора Вильгельма? (Слышится подавленный крикъ "мама, мамочка" - вскакиваетъ мальчикъ, - глаза растерянные и безумные. Всѣ спящіе просыпаются въ испугѣ). Чудовищно заставлятъ страдать дѣтей. Безсмысленно, бесполезно и чудовищно! Бѣдный мальчикъ! И сколько такихъ еще по всей Германіи, перепуганныхъ и замученныхъ.

ЗЕЛЕН. (подходить). Успокойся, Амева. Успокойся, мама пріѣдетъ завтра. Мы ее разведемъ и доставимъ пѣлой и невредимой. Нужно быть спокойнымъ. Вѣдь ты у насъ совсѣмъ почти взрослый (Гладитъ его по головѣ; слышатся голоса - "бѣдный ребенокъ!.. Какой ужасъ!")

МАЛЬЧИКЪ. Я ѣсть хочу. Я съ утра ничего не ѣлъ.

БѢЛЕВСКАЯ. Иди сюда. У меня есть для тебя крохотный кусочекъ веколада. Иди скорѣй, все таки полакомившись и меньше плакать будешь. Нехорошо: такой большой (мальчикъ идетъ къ ней и успокаивается).

ЛАМА ВЪ ЧЕРН. О, Боже мой, у меня нѣтъ больше силъ выносить эту петку! За что такія муки, скажите мнѣ. (Обращаясь къ БѢлевокому). Вы ученый, навѣрное поклонникъ нѣмецкой культуры. Съ какой культурой можетъ быть связано варварское издѣвательство надъ беззащитными женщинами и дѣтьми? Меня обскивали, раздѣвали чуть не до нага въ присутствіи пьяныхъ солдатъ, а орда лавочниковъ и хулигановъ орала "шпионка, русская собака, повѣсить ее". За что? За что?

ЗЕЛЕН. Культурный дикарь оказался опаснѣе, утонченнѣе первобытнаго. Кто могъ повѣрить тому, что это возможно!

ЛАМА ВЪ ЧЕРН. Группу русскихъ, арестованныхъ со мной, они повели къ анологу и заставили молиться, а потомъ навели пушку и заявили, что насъ сейчасъ разстрѣляютъ. Нѣкоторые сошли съ ума, нѣкоторые поспѣдѣли.

СТАРИКЪ ЕВРЕЙ (вскакивая съ безумнымъ лицомъ). Что? Сошли съ ума...! Ну, что значить? Что? Они на моихъ глазахъ изнасиловали мою дочь, дѣвочку 19 лѣтъ, а меня штыкомъ въ спину... Ну? Кто же не сошелъ съ ума? Что?

Зачѣмъ я живъ! О, Адонай, Богъ Израиля! О, Адонай! (Бьетъ головой объ стѣну; слышатся истерическіе возгласы).

ЗЕЛЕН. Тиве, товарищи! Не будемъ падать духомъ. Въ нашемъ положеніи нужно беречь тотъ остатокъ силъ, который мы еще сохранили.

НЕИЗВ. Они на моихъ глазахъ выбросили въ окно французъ. Въ нашемъ вагонѣ бѣжали пруссаки-запасные, русскіе и французъ. Когда прусскій фельдфебель сталъ проклинать Францію, предсказывая, что пруссаки сорутъ ее съ лица земли, французъ всталъ на лавку и заявилъ, что онъ не знаетъ страны болѣе прекрасной, чѣмъ Франція. Они схватили его, подняли на воздухъ и съ дикими криками выбросили въ окно вагона на всемъ ходу поезда. Мы русскіе ждали той же участи и молчали, молчали... Ужасной пѣной кипила въ это молчаніе, когда пруссаки стали ругать Россію. Мы не хотѣли подвергнуться судьбѣ этого героя, который не отрекся отъ своей родины.

ЗЕЛЕН. Да, да, все это безобразный, кошмарный сонъ. Я всегда думалъ, что только на войнѣ при видѣ крови, человекъ можетъ озвѣрѣть настолько, что будетъ умищаться чужими муками. Это еще понятно, какъ то допустимо. Они же тиранили безпомощныхъ женщинъ и дѣтей, никогда не сдѣлавшихъ имъ зла. Проклятіе падетъ на ихъ головы.

СТАРЫЙ ЕВРЕЙ. Вудь они прокляты, Богъ Адонай! Богъ Израиля! Судь они прокляты до седьмого колѣна! (Плачетъ).

ЛАМА ВЪ ЧЕРНОМЪ. О, если бы можно было куда нибудь бѣжать изъ этой отвратительной ямы! Но стѣны крѣпки, рѣшетки у оконъ и пруссаки у дверей. Кто знаетъ, быть можетъ намъ все же придется прожить при такихъ условіяхъ до конца войны. Неужели кто нибудь можетъ сохранить рассудокъ.

ЗЕЛЕН. Нѣтъ! Конечно, насъ переведутъ куда нибудь въ тюрьму. Все таки будетъ лучше. Оказывается, что бывають такія положенія, что позавидуешь и тюрьмѣ. Но я все таки убѣжденъ, что женщинъ и дѣтей они отпустятъ.

БѢЛЕВСКІЙ. Эхъ, если бы знать, что дѣлается въ Россіи! Неужели революція, общее несогласіе, возстаніе въ Польшѣ?

ЗЕЛЕН. Не вѣрь этому, никогда не повѣрь! Бѣшенство и злость пруссаковъ не были бы такъ велики, если бы все это была правда. Пруссаки взбѣшены потому, что ошиблись въ расчетахъ. вмѣсто побѣднаго шествія на Петербургъ, въ ихъ разстроенномъ воображеніи рисуется вестіе русскихъ казаковъ на Берлинъ. Только трусы жестоки, храбрый народъ всегда великодушенъ. И я готовъ нѣмецкую жестокость отнести къ нѣмецкой растерянности и трусости.

БѢЛЕВСКІЙ. Да, въ этомъ есть много правды. Великодушіе и справедли-

вость не слѣдуетъ за трусостью. Даже дикари соблюдаютъ законы гостепріимства. А развѣ мы не были гостями Германіи? Они вмѣсто гостепріимства приготовили намъ предательскую ловушку, позорный, унижительный плѣнъ рабовъ.

ЗЕЛЕН. Да, эта война будетъ вторымъ нашествіемъ гунновъ на Европу, только эти гунны идутъ закованные въ желѣзо, съ пулеметами, бронированными автомобилями и аэропланами. (Слывится дѣтскій плачь).

ДѢВОЧКА (поднимается и горько плачетъ). Мамочка, я не могу! Я умру отъ голода. Я ѣсть хочу.

ЗЕЛЕН. Нѣтъ, это ужасно. Пусть ужъ лучше разстрѣль, чѣмъ голодная пятки дѣтей. Я буду требовать воды и пици и беру весь рискъ на себя. (Подходить къ дверямъ и стучить. Слывится грубый нѣмецкій окрикъ).

БѢЛЕВСКІЙ. Оставьте! Вы намъ не поможете, а своимъ вызывающимъ поведеніемъ навлечете на себя кары этихъ негодяевъ.

ЗЕЛЕН. Все равно! Гудъ что будетъ! (Кричитъ въ двери. Слывится нѣмецкій отвѣтъ).

ЗЕЛЕН. Обѣщаетъ сейчасъ къ намъ прислать дежурнаго унтеръ-офицера.

ДАМА ВЪ ЧЕРН. Ну, теперь ждите расправы, какъ предводитель вооруженной банды дерзкихъ мятежниковъ.

ЗЕЛЕН. Пусть, пусть... я уже сказалъ, что я готовъ ко всему. Я скажу палачамъ всю правду. Пусть они мучаютъ насъ-мужчинъ, но не дѣтей.

ДАМА ВЪ ЧЕРН. Мнѣ кажется, я сейчасъ бы отдала всѣ свои деньги за кусокъ хлѣба и стаканъ воды, простой холодной воды.

ЗЕЛЕН. Они дадутъ намъ ее!

БѢЛЕВСКІЙ. Скорѣ перерѣжутъ горло вамъ и предложатъ напиться вашей кровью.

ЗЕЛЕН. (слушаетъ у двери) Ага! Тамъ начались какіе то переговоры. Господинъ унтеръ-офицеръ, кажется изволили пожаловать. (Слывится звяканье желѣзнаго засова и дверь открывается; входитъ нѣмецкій унтеръ-офицеръ и два солдата).

УНТ. ОФИЦ. Steht auf! (Встать!)

ЗЕЛЕН. Господа, эта собака требуетъ, чтобы мы встали. Исполнимъ его наглое требованіе. (Всѣ вставъ).

УНТ. ОФ. (ломаннымъ русскимъ языкомъ). Кто и зачѣмъ меня звалъ?

ЗЕЛЕН. Господинъ унтеръ-офицеръ, мы голодны и со вчерашняго дня ничего не ѣли и не пили. У насъ женщины и дѣти. Вѣдь онѣ не виноваты.

УНТ. ОФ. Сейчасъ васъ всѣхъ переведутъ и вы получите пицу.

ЗЕЛЕН. Господа, онъ говоритъ, что насъ сейчасъ переведутъ и дадутъ пицу. (Унтеръ-Офицеру). Danke mein Herr! (Спасибо).

(Унтеръ-Офицеръ поворачивается на каблукахъ и уходитъ съ солдатами).

ми).

ЗЕЛЕН. (радостно) Что, каково! Вот что значить инициатива! Сейчас, говорить, васъ всёхъ переведутъ и исполчатъ нишу. Ждали два дня, подождемъ и нѣсколько минутъ.

ДАМА ВЪ ЧЕРН. Не вѣрю я имъ. Навѣрное готовятъ еще какую нибудь гадость. Вы видѣли, какое у этого бурбона было наглое и жестокое лицо!

ЗЕЛЕН. Ну, у нихъ у всёхъ такія свирѣпия лица. Военная злость, взвищенная пивомъ! Богъ съ ними. Я такъ радъ за дѣтей, что они получаютъ нишу, что настроены болѣе примирительно. Честный Гансъ въ этой войнѣ тоже многимъ рискуетъ и злится.

БѢЛЕВСКІЙ. Хотѣ бы зажгли огня, что ли, а то становится совсѣмъ темно, какъ въ могилѣ.

ЗЕЛЕН. Да, не мѣшало бы. Хотя навѣрное принесутъ маленькій огарокъ изъ свинаго хлѣва, и этимъ придется удовлетвориться!

БѢЛЕВСКІЙ. Кажется, опять идутъ. Подождите! (Слышатся голоса. Дверь снова отворяется; входятъ отрядъ солдатъ изъ двѣнадцати человекъ, подъ командой того же унтеръ-офицера. Въ рукахъ у послѣдняго большой фонарь. Плѣнные снова встать, на этотъ разъ безъ приказа).

УНТ. ОФ. Женщины и дѣти должны перейти въ эту сторону направо, а мужчины налево.

ЗЕЛЕН. Господа, онъ проситъ, чтобы женщины и дѣти перешли направо, а мужчины налево. Зачѣмъ только - не понимаю. (Плѣнные раздѣляются на двѣ группы).

УНТ. ОФ. Женщины и дѣти должны слѣдовать за нами, мужчины останутся здѣсь.

ЗЕЛЕН. Господа, готовится снова что то нелѣпное. Насъ хотятъ разлучить. Женщинъ уведутъ, а мы останемся. (Слышатся крики отчаянія. БѢЛЕВСКІЙ кидается къ женѣ, за нимъ другіе).

УНТ. ОФ. (кричитъ). Halt! Я прикажу солдатамъ гнать васъ прикладами!

ЗЕЛЕН. Подождите, я попытаюсь уговорить его. Господи, ну какъ же можно теперь разлучать мужей съ женами, отцовъ съ дѣтьми!

СТАР. ВЪРРЕЙ. (выскакивая). Они мою дочь изнасиловали и убили, будь они прокляты! (Кричитъ). О, Адонай, Богъ мести! О Адонай! (Грозитъ кулакомъ).

УНТ. ОФ. (кричитъ). Убратъ его!

(Солдатъ ударяетъ старика прикладомъ, тотъ падаетъ).

ДАМА ВЪ ЧЕРН. Звѣри! Палачи! Пусть они насъ лучше разстрѣливаютъ. Мы не хотимъ разлучаться, Тамъ они надругаются надъ нами, беззащитными. Лучше смерть.

ЗЕЛЕН. Умоляю васъ не разлучать родныхъ и супруговъ, вѣдь они и такъ измучены.... Зачѣмъ это нужно?!

БѢЛЕВСК. (становится на колѣни). Умоляю не разлучать меня съ женою. Она больна, она умретъ безъ меня.

УНТ. ОФ. (кричить). Такъ приказано и вы должны повиноваться. Солдаты весты ихъ! (Происходитъ обшая суматоха. Слышны раздражающіе крики женщинъ и дѣтей).

ДѢВОЧКА (кричитъ изступленно). Мамочка, ой, мамочка! Я боюсь ихъ... Мамочка, не пускай меня... Мамочка!... (Солдаты гонягъ женщинъ; мальчикъ Алеша вскакиваетъ и прячется въ группѣ мужчинъ).

БѢЛЕВСКІЙ (кричатъ женѣ); Катя, Катя, до свиданья! Вѣдь — увидимся, Катя, Катя!...

НЕИЗВ. (порываясь къ женѣ). Женя! Женечка! Я съ тобой, лучше умремъ вмѣстѣ. Пустите меня! (Его грубо отталкиваютъ; крики и плачь продолжаютъ).

ЗЕЛЕН. Негодяи, палачи, проклятыя гадины! (Дверь съ шумомъ захлопывается)

БѢЛЕВСКІЙ. (бьется о двери съ крикомъ). Катя, моя Катечка! Пустите меня! Пустите!... (МАЛЬЧИКЪ испуганно жметъ къ Зеленину).

ЗЕЛЕН. (замѣчая его). Алешенька, а ты остался?

АЛЕША. Я ненавижу ихъ! Я лучше умру съ вами... Бѣдь у меня теперь никого не осталось, кромѣ васъ... Мама моя должно быть умерла. Куда же я дѣнусь?

ЗЕЛЕН. (рыдаетъ, прижимая его къ груди). Мальчикъ мой бѣдный!

БѢЛЕВСКІЙ (бьется въ дверь съ криками). Катя! Катя!...

З А Н А В Ъ С Ъ.

К А Р Т И Н А П Я Т А Я.

"БУДУЩАЯ РОССІЯ".

Декорация перваго акта. Глубокая осень. Сторожъ выметаетъ сухіе желтые листья на дорожкахъ сада. Выходитъ АННА ВАС. въ траурѣ, за ней СЕРАФИМА.

АННА ВАС. Серафима! Нужно сходить за докторомъ. Петру Николаевичу стало опять хуже. А потомъ зайдемъ въ аптеку.

СЕРАФИМА. Слушаю, барыня! Барыня, неужели Петръ Николаевичъ умретъ? (Вытираетъ слезы).

АННА ВАС. Богъ не безъ милости. Его святая воля. (Отвертывается). Бѣги, бѣги скорѣй, Серафима! (Серафима уходитъ. Выходятъ ЛИДІЯ ВЛ. и ЗЕЛЕНИНЪ. Она въ траурѣ, онъ съ черной перевязью на рукѣ).

ЛИДІЯ ВЛ. (тихо затворяетъ дверь). Онъ задремалъ. Мы, мама, не хотимъ ему мѣшать. Какой онъ сталъ блѣдный и жалкій. Вы послали за докторомъ, мама?

АННА ВАС. Да, увла Серафима. Докторъ навѣрное сейчасъ придетъ. Я все

таким пойдут на дежурство, а то больной проснется, а около никого нет. (Уходит в дом. Зеленый и Лидия Владимировна садятся на скамью около большой лавки).

ЗЕЛЕН. Два месяца прошло со дня объявления войны, только два месяца, а словно вихрь какой налетел, разбросал, перевернул все. Многих уже и в живых нет.

ЛИДИЯ ВЛ. За вас, Василий Александрович, мы больше всего мучились. Когда я переводила вам деньги в Германию на побег, я не верила, что вам удастся выжить из плена. Думала, что не увидим вас больше.

ЗЕЛЕН. Да я и сам не думал, что отделюсь так легко. Да что же, ведь я старик — совсем им не опасен. Почему же не получить 10.000 марок, маленькой контрибуции. Я читал, что на Кавказе бандиты давно так практиковались. Захватить куш, увести в горы и требовать выкупа. А разве современная война, которую ведут пруссаки, не разбой? Наложить контрибуции, грабить картины, музеи. Хотя я думал, что в конце концов они бы меня выпустили и без всякой контрибуции. (Сходит Алена, спускается с террасы). Старый да малый, так нас с Алейкой и отпустили. (К Алейке). Ну что, мой мальчик, не очень тебе здесь скучно в гостях?

АЛЕНА. Нет, Василий Александрович, мне очень хорошо. Лидия Владимировна и бабушка добрыя, хорошие. (Подходит к Лидии Владимировне и прячет голову в ее колпачок).

ЛИДИЯ ВЛ. Маленькая — славный мальчик, ласковый. (Гладит ему голову).

ЗЕЛЕН. А у немцев был какой свирепый! Чуть ли не кусаться был готов. Он толстого немецкого фельдфебеля не испугался. Не послушался его приказа и не повел за ним. Тут уж мы с ним больше не разлучались.

АЛЕНА. Если бы не Василий Александрович — пропал бы я там совсем. А теперь мне зато как хорошо. Вот только маму бы найти!

ЛИДИЯ ВЛ. Найдешь, Аленочка! Наверное ее скоро тоже немцы отпустят. У них у самих то есть нечего, а еще русских пленных кормить (Ласкает Алейку). А тебе наверное холодно, милый, пойди одень теплую курточку!

АЛЕНА. Нет, мне совсем не холодно. Ну, на всякий случай надену. (Бежит на террасу).

ЗЕЛЕН. Бедный мой маленький друг!.. Удается ли ему найти свою маму. Безумно жаль его, этого маленького. Чем виноваты он и десятки тысяч других, сданных в сироты!

ЛИДИЯ ВЛ. Да, словно вихрь разсыпал людей, разметал их во все

сторона, какъ сухіе листья. Но если бы не желаніе поддержать въ тяжелыя минуты испытаній слабыхъ и оставшихся, кажется, и жить бы не стоило! Вы знаете, я не вѣрю, что Петръ Николаевичъ поправится. У него прострѣляно легкое, кашляетъ кровь. Докторъ мнѣ сказалъ - надежды мало. Съ нимъ уходитъ для меня вся радость жизни, остается испытаніе, подвигъ. И я его принимаю.

ЗЕЛЕН. Пока не кончилось начатое нами великое дѣло Россіи, мы не можемъ быть малодушными. Свобода и счастье родины еще не завоевана. Пройдена быть можетъ только половина пути, кроваваго и тернистаго пути. Но вы видите, какими надеждами живемъ мы всё. Нѣтъ этого прозябанія изо дня въ день, соннаго смертвѣнія. Мы одухотворены живымъ духомъ. Помните, вы говорили мнѣ, когда-то, что три вещи требуютъ человѣка всего, это - искусство, любовь и война. И русскій солдатъ отдаетъ войнѣ себя всего, не зная малодушія и усталости.

ЛИДИЯ ВЛАД. Да, я поражалась до слезъ ихъ скромности, ихъ простому отношенію къ своимъ подвигамъ, ихъ стыдливости передъ своей раной. Наши раненые точно чувствуютъ себя виноватыми, что должны заниматься какими то пустяками вмѣсто того, чтобы продолжать свое святое и великое дѣло - защиту родины.

ЗЕЛЕНИНЪ. Да, война! Это тяжелый крестъ, это страшное иго. И нужно напрягать всё усилія, чтобы его сбросить. И это иго войны несетъ безропотно русскій человѣкъ, зная, что нужно претерпѣть до конца.

ЛИДИЯ ВЛАД. Да, послѣ этого большаго народнаго подвига, мы всё будемъ жить иначе: умнѣе, честнѣе, лучше.

ЗЕЛЕНИНЪ. Да, шагъ за шагомъ мы идемъ къ дѣли и она ужъ близка. (Пауза). Вы сегодня ждете Нину и Константина Ивановича?

ЛИДИЯ ВЛ. (смстрить на часы). Наверное съ двѣнадцатичасовымъ пріѣдутъ. Нина вся увла въ дѣло. Ее пока оставляютъ въ Воронежѣ, а Константинъ Ивановичъ черезъ недѣлю ѣдетъ уже за границу.

ЗЕЛЕН. Они пріѣдутъ не надолго?

ЛИДИЯ ВЛ. Конечно! Сегодня же къ вечеру и обратно. Петру Николаевичу очень хотѣлось ихъ повидать. Проститься передъ смертью, какъ онъ говорить. Ужасно, что онъ самъ не вѣритъ, что останется жить.

ЗЕЛЕН. Да, онъ сражался героемъ и умираетъ героемъ. Какъ я былъ виноватъ передъ нимъ. Нѣтъ ничего такого, что бы я не отдалъ теперь, чтобы сгладить, заставить его забыть мое враждебное къ нему чувство.

ЛИДИЯ ВЛ. Онъ васъ очень любитъ и конечно не пеннитъ дурного. Посмотрите, какой онъ сталъ добрый, жалкій... (Плачетъ).

ЗЕЛЕН. (ласково). Зачѣмъ же плакать? А кто обѣдалъ бытъ бодрой?

ЛИДИЯ ВЛ. Не буду, не буду милый Василій Александровичъ (вытираетъ слезы)

зи). (Входят ДОКТОРЪ, старикъ съ сѣдой бородой, въ очкахъ).

ДОКТОРЪ (здоровается). Ну, какъ нашъ раненый?

ЛИДИЯ ВЛ. Плохо, докторъ! Всю ночь стоналъ и бредилъ, кахляетъ кровью. Просилъ перевезти его въ садъ - подышать свѣжимъ воздухомъ.

ДОКТОРЪ. Ну что же, что можно. Укутайте потеплѣе. На полчаса каждый день можно выпускать его на прогулку. Теперь еще не очень холодно, а воздухъ чистый. Ну, я пойду къ нему.

ЛИДИЯ ВЛ. Тамъ мама около него. Онъ слегка задремалъ.

ДОКТОРЪ. Ну, если спать, будить не будемъ. (Уходитъ).

(Проходитъ СЕРАФИМА съ лекарствами).

СЕРАФИМА. Барыня, а я видѣла - со станціи Константинъ Ивановичъ съ Ниночкой къ намъ ѣдутъ. Скоро будутъ, ужъ отъ аптеки-то были недалеко.

ЛИДИЯ ВЛ. Вотъ это хорошо. Я страшно рада! Приготовь имъ, Серафима, умяться съ дороги и поторопи съ завтракомъ.

ЗЕЛЕН. А вѣдь я нашего милаго эскулана не видѣлъ два мѣсяца, съ самаго моего отѣзда за-границу. (Слышится звонъ колокольчиковъ. Входятъ Константинъ Ивановичъ и Нина съ маленькими ручными саквояжами въ рукахъ).

НИНА. Вотъ и мы! Уфъ! Еле добрались. Часовъ шесть стояли на ногахъ въ корридорѣ вагона. (Зеленину). Василій Александровичъ! Какъ я рада васъ видѣть! Щѣлы и невредимы?

КУМ. (цѣлуетъ руку Лидіи ВЛ.) Опять сборъ всѣхъ частей! (Кидается къ Зеленину). Да вотъ кого я и хотѣлъ особенно видѣть, лицезрѣть и осязать послѣ нѣмецкаго плѣна. (Обнимаются и жмутъ другъ другу руки).

ЗЕЛЕН. А помните, какъ беззаботно мы сидѣли два мѣсяца тому назадъ передъ моею поѣздкой въ Наугеймъ?

КУМ. Да, кто могъ думать, что вся жизнь перевернется вверхъ дномъ! А впрочемъ, я предсказывалъ и политическій діагнозъ ставилъ правильно, какъ и врачебный. (Понижая голосъ). А какъ нашъ больной?

ЛИДИЯ ВЛ. Плохъ, очень плохъ. Сейчасъ у него докторъ.

КУМ. Ну тогда можно и мнѣ! Гдѣ одинъ докторъ, тамъ и другой. (Идетъ на террасу, Лидія ВЛ. съ нимъ).

НИНА. (Зеленину). Вы очень измѣнились, Василій Александровичъ: осунулись, похудѣли.

ЗЕЛЕН. Да, Ниночка, постарѣлъ тѣломъ, обновился душой! А вы развѣ все такая же упорная и одинокая?

НИНА. Если кто переродился, такъ это я. Куда дѣвалась моя озлобленность, мой фанатизмъ! Я стала человѣкомъ, который понялъ жизнь и преклонился передъ своимъ и чужимъ страданіемъ. Я не жду отъ жизни ничего. Я просто и безропотно отдаю жизни себя, помогаю людямъ, тонущимъ въ.

морѣ крови и зла, и я счастлива! Потому что счастье только въ спокойствіи души, въ ясномъ сознаніи своего духовнаго просвѣтленія, а не въ буряхъ страсти и терзаніяхъ ревности. Помните, какая я была смѣшная? Влюбленная въ васъ дѣвченка, дичокъ, ненавидѣвшей свою воспитательницу?

ЗЕЛЕН. А теперь мой ликъ рыцаря печальнаго образа значительно потускнѣлъ.

НИНА. Нѣтъ, я васъ люблю. Но совсѣмъ иначе. Вы для меня не тотъ опредѣленный мужской типъ, который притягиваетъ и завладѣваетъ воображеніемъ, — вы для меня человекъ, которому я прежде всего хотѣла бы быть другомъ. Понимаете — другомъ, а не возлюбленной.

ЗЕЛЕН. (протягиваетъ руку) Тогда заключимъ миръ, союзъ дружбы и хорошей, хорошей, всеей любви. (Жметъ ей обѣ руки).

(Отворяется дверь. Слышатся голоса — "осторожнѣй, сюда, сюда, не оступитесь". ДОКТОРЪ, КУМЕЛЬСКІЙ, ЛИДІЯ ВЛ. СЕРАФИМА и АЛЕША осторожно выкатываютъ коляску- кресло, на которомъ сидитъ ЭЛЛАНСКІЙ. Онъ одѣтъ въ обломъ, очень блѣденъ и худъ. Кресло ставятъ около дерева рядомъ со скамейкой)

ЭЛЛАНСКІЙ. Я кажется надѣлалъ, вамъ безпокойства, какъ всегда. (Кашляетъ).

НИНА (подходить). Здравствуйте, Петръ Николаевичъ.

ЭЛЛАНСКІЙ. Здравствуйте, здравствуйте, милая Ниночка! Какъ я радъ засъ всѣхъ видѣть, всѣхъ вмѣстѣ. Вы похорошѣли, Ниночка, стали другой — одухотворенной. Ну, какъ ухаживаете за нашими ранеными? Любятъ они васъ навѣрное страшно.

КУМ. Ее обожаютъ солдатики. Она у меня такъ перевязки дѣлаетъ, что никто не плачетъ, не ноетъ, а прямо пѣсни поетъ.

ЛИДІЯ ВЛ. Укутайте, укутайте, Петръ Николаевичъ, да очень то много пожалуй не нужно бы говорить.

ДОКТОРЪ. Понемножечку.

АННА ВАС. Плохая я сидѣлка — первый часъ, пора второй разъ лѣкарство принимать.

АЛЕША. Я, бабушка, принесу! (Бѣжитъ въ домъ и приноситъ лекарство).

ЗЕЛЕН. (Нинѣ). Чудесный мальчуганъ, этотъ Алеша! Я его рѣшилъ усыновить. Это моя послѣдняя радость на склонѣ дней. Кромѣ старой дальней тетки у него никого не осталось. Если послѣ войны не отыщется его мама, я буду жить только для него и ради него.

АЛЕША. (приноситъ лѣкарство). Не знаю, то ли я принесъ, бабушка! Нужно вѣдь въ большой склянкѣ.

ЛИДІЯ ВЛ. (пѣлуетъ его). То самое, то самое, милый Алеша. Спасибо тебѣ, мой мальчикъ. (Даетъ Элланскому лѣкарство)!

КУМ. Я ужъ съ нимъ познакомился, Ниночка; это тотъ самый герой, кото- рый съ нѣмцами въ плѣну воевалъ.

НИНА. (подходить къ Алешѣ, здоровается и цѣлуетъ его). Тебѣ будетъ у насъ хорошо. Вотъ такого, какъ ты, здѣсь и не хватало.

ЛИДИЯ ВЛ. Мы съ Василенъ Александровичемъ все споримъ: чей онъ сынъ - мой или его. Начнемъ его дѣлить, пожалуй и поссоримся.

АЛЕША. (сѣбясь): А я васъ помирю. И ссориться вы не станете, вы оба добрые.

ЭЛЛАНСКІЙ. Какъ мнѣ хорошо съ вами, я прямо оживаю. Прозрачный осен- ній воздухъ воскрешаетъ меня. Такъ легко дышется. (Пытается глубоко вздохнуть, но снова кашляеть). Да, а вотъ прострѣлянная легкія нѣтъ- нѣтъ да и дадутъ знать. Если бы не кашель, я совсѣмъ бы чудесно себя чувствовалъ. У меня странное состояніе - мнѣ стало легко жить, и все- таки я знаю, что это передъ смертью. Теперь лежу здѣсь, мнѣ такъ хорошо съ вами, и вспоминаю. Вспоминаю дни похода на австрійцевъ.. Взятіе Львова... Все это стоитъ передо мной и не отпускаетъ...

ЛИДИЯ ВЛ. Нужно не думать объ этомъ тяжеломъ и страшномъ. Оно оста- лось далеко позади.

ЭЛЛАНСКІЙ. Это было тяжело. Но не было страшно. Всѣ мы были словно загниготизированные - впередъ, впередъ скорѣе. Эта мысль неотступно мучила, мнѣ кажется, всѣхъ - отъ офицеровъ до солдатъ. Нужно было сло- мить врага во что бы то ни стало, какой бы не было цѣной.

ЛИДИЯ ВЛ. Мы должны гордиться вами, милый Петръ Николаевичъ.

ЭЛЛАНСКІЙ. И всѣмъ намъ до боли хотѣлось вернуть наву былую заслу- женную славу, воскресить дни прежнихъ русскихъ побѣдъ. Мы жили общей семьей съ солдатами. Это были дни такого облаго подъема, такой необык- новенной красоты. И мнѣ послѣ всего пережитого какъ то странно ви- дѣть себя здѣсь опять, въ знакомой обстановкѣ, но уже инвалидомъ. Я чувствую, что скоро умру. Да это и не можетъ быть иначе.

ЛИДИЯ ВЛ. Милый Петръ Николаевичъ, развѣ можно говорить о смерти въ такой чудесный, ясный, ласковый, примиряющій день! Нужно жить, и мы будемъ жить и васъ мы отъ себя не отпустимъ умирать. Вашъ организмъ крѣпкій, онъ выдержитъ это испытаніе - Вы поправитесь!

ЭЛЛАНСКІЙ. (грустно). Нѣтъ, я готовъ... Почему у меня изъ головы не выходятъ стихи Пушкина: "И можетъ быть на мой закатъ печальный

Влеснетъ любовь улыбокъ прощальной..."

(Беретъ за руку Лидію Влад.) Я чувствую эту любовь и мнѣ легко уме- реть.

АЛЕША. Петръ Николаевичъ! Вы скоро поправитесь и мы съ вами вмѣстѣ побѣдемъ битъ нѣмцевъ.

ЭЛЛАНСКІЙ. Нѣтъ, Алена, ни тебѣ, ни мнѣ ужъ не удастся. Я уже выбылъ изъ строя, а ты еще мальчикъ. У тебя впереди другія задачи. Вѣдь ты у насъ будущая Россія. Понимаешь, мой мальчикъ, будущая Россія! Мы уйдемъ, сдѣлавъ свое дѣло, а потомъ будетъ очередь за вами.

КУМ. Вотъ Алевенька, какіе у насъ горизонты. А мы къ той порѣ выйдемъ въ отставку, съ мундиромъ и пенсіей.

(Входитъ СТОРОЖЪ АЛЕКСѢЙ съ пачкой газетъ).

ЗЕЛЕН. Ага! Алексѣй, давай скорѣй — какія есть военныя новости.

ЭЛЛАНСКІЙ. Почитайте вслухъ, Василій Александровичъ, что дѣлается на театрѣ войны. Гдѣ теперь наши войска? Вѣдь они все идутъ впередъ?

ЗЕЛЕН. Идутъ, идутъ, конечно идутъ. (Читаетъ). Петроградъ. Отъ Верховнаго Главнокомандующаго. Послѣ нѣлаго ряда боевъ русскія войска, сломивъ сопротивленіе врага, вышли на прямую магистраль къ Берлину. Продолжаются упорные бои. Нами взято много орудій и плѣнныхъ.

ЭЛЛАНСКІЙ. Я такъ и ждалъ этого! Какъ тяжело лежать прикованному къ постели теперь, когда товарищи идутъ впередъ. Сейчасъ дорогъ каждый офицеръ. (Въ забытій). Да, они идутъ впередъ и ничто не остановитъ ихъ.

ЛИДІЯ ВЛ. (наклоняясь надъ Элланскимъ). Кажется онъ очень усталъ. Пожалуй мы его утомили излишними впечатлѣніями.

КУМ. Ничего, онъ заснетъ. Надо его только оставить ненадолго.

ДОКТОРЪ. Да, онъ очень слабъ. Нужно ждать неожиданнаго кровоизліянія, и тогда смерть.

ЛИДІЯ ВЛ. Онъ сегодня пѣлый день въ бреду и пришелъ въ себя недавно, но опять не на долго. Ужаснѣе всего, что мы ничѣмъ, ничѣмъ не можемъ ему помочь! Бѣдный мой, бѣдный!... (Становится на колѣни около кресла больного).

ЭЛЛАНСКІЙ (бредитъ). Идутъ... Товарищи, сюда!.. Кавалерійскою атакою возьмемъ батарею... Сколько огня впереди... Огненный поясъ охватилъ насъ кругомъ... Но мы прорвемъ это огненное кольцо! Снимите этого толстаго полковника!.. Пѣльтесь вѣрнѣй... Ага, свалился... Почему горнисть не играетъ? Дайте мнѣ знамя... Впередъ, впередъ!... (съ легкимъ крикомъ откидывается на подушки).

ЛИДІЯ ВЛ. (плачетъ). Боже мой! Онъ опять бредитъ. Онъ умретъ, умретъ... (Всѣ плачутъ).

ДОКТОРЪ (жукаетъ пульсъ). Нѣтъ, пульсъ очень слабъ, но еще бьется!

АЛЕНА. Докторъ, спасите его! Вѣдь вы же можете его спасти.

НИНА. Алевенька! Иди ко мнѣ, не плачь, вѣдь ты же всегда была смѣлымъ, взрослымъ мальчикомъ!

АЛЕНА. Мнѣ себя бы не жалко было. Что я! Мнѣ Петра Николаевича жал-

ко. Онъ нуженъ, онъ герой!

ЭЛЛАНСКІЙ (снова бредитъ, вскакивая). Россія! Родина! Вижу тебя счастливой, свободной.. Впередъ, впередъ! Ура-а! (Крикъ переходитъ въ хрипъ; всѣ бросаются къ нему, наклоняясь надъ изголовьемъ).

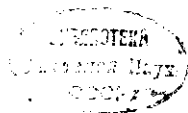
ДОКТОРЪ (держитъ руку и грустно опускаетъ голову). Перенесите его сейчасъ же въ комнаты. (Зеленину). Онъ уреть!

(Элланскаго уносятъ въ домъ. На сценѣ Нина, Зеленинъ и Алеша).

ЗЕЛЕН. (Алешѣ). (Вытирая слезы). Помни его слова, мой мальчикъ: ты наша будущая Россія. Мы уходимъ со сцены. Ваше поколѣніе цѣной нашей крови получитъ миръ и свободу. Вы сдѣлаете Россію великой страной мирнаго, культурнаго труда. Пусть именемъ Русскій будетъ гордиться любой изъ сыновъ нашей родины: и полякъ, и еврей, и даже нашъ теперевній врагъ - нѣмецъ!

З А Н А В Ъ С Ъ.

К О Н Е Ц Ъ.

36
18190